

3. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социс. – 2009. – № 8 (304). – С. 3–12.

4. Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации : монография. – СПб. : Алетейя, 2011. – 712 с.

5. Трубина Е. Г. Публика // Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н. В. Е. Кемерова. – 3-е изд. – М. : Академический Проект, 2004. – 864 с.

6. Козьякова М. И. Публичное пространство: культура репрезентации (окончание) // Культура культуры. – 2017. – № 4 (16). – С. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnoe-prostranstvo-kultura-reprezentatsiikonchanie>

7. Дроздова А. В. Визуальные образы повседневности в современной медиакulturе : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 278 с.

Л. А. Сабурова*

«Ничего личного»: феномен «облегченной социальности» в цифровых коммуникациях¹

В статье анализируется влияние цифровых технологий на форму и содержание социальных взаимодействий. На основе анализа данных, полученных в ходе исследования социального взаимодействия в формате онлайн-сообществ на платформах «ВКонтакте» и «Facebook», обосновывается тезис, что цифровые технологии не только определяют переход к нелинейным коммуникациям и к доминированию горизонтальных связей, но и формируют «слабейшие» социальные связи, приводят к деперсонализации общения, дисперсии и релятивизации социального капитала. Трансформирующиеся социальные взаимодействия создают новый тип социальности, который в статье описывается в метафоре «облегченная социальность». «Слабейшие» связи между цифровизированными социальными акторами позволяют говорить об «облегченной» социальности, поскольку и социальный капитал участников редуцируется до символического, а уровень взаимных обязательств и социальной ответственности существенно снижается по сравнению с реальностью офлайн.

Ключевые слова: социальные коммуникации; онлайн-сообщества; слабейшие связи; деперсонализация; социальный капитал; лидерство; горизонтальные связи.

Со времен Г. М. Маклюэна влияние технических средств коммуникаций на устройство социального мира [3], в том числе – на природу социальных связей, мало кто подвергает сомнению. Однако в исследованиях этих связей в цифровом мире методологической и понятийной основой по-прежнему выступают теоретические модели, сложившиеся в «доцифровую» эпоху. Из теоретических сдвигов, которые определяют направления и инструментарий социальных исследований цифровых коммуникаций,

* Людмила Альбертовна Сабурова, канд. филос. наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УРО РАН (г. Ижевск).

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 19-011-00761.

можно выделить лишь поворот исследователей к социально-сетевой теории М. Кастельса [2], которая хотя и не является специфической для описания «цифровой социальности», но в большей степени релевантна задачам изучения горизонтальной социальной интеграции, характерной для цифровых коммуникаций. Разновидностью последних выступают коммуникации пользователей в интернет-сообществах, выступающие предметом интереса для обширного круга социальных, гуманитарных, технических дисциплин.

Необходимость понимания интернет-коммуникаций как принципиально нового типа социальных практик подчеркивается многими антропологами и социологами. Для описания этого нового типа реальности используется особый теоретико-понятийный аппарат: «виртуальный человек» и «виртуальная культура» (Т. Белторф) [4], «дигитальная антропология» (Д. Миллер) [6], «нетнография» (Р. Козинец) [5]. Аксиоматическими для исследователей становятся представления о принципиальных сдвигах в онлайн-коммуникациях, таких, например, как переход к нелинейным коммуникациям, к доминированию горизонтальных связей, фрагментарность отношений.

Анализ данных, полученных в исследовании процессов общения пользователей в группах в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook» с применением подхода «обоснованной теории» (grounded-theory) [7], позволил сформулировать, в дополнение к указанным, некоторые новые особенности цифровой социальной интеграции. В частности, в процессе сплошного прямого наблюдения были зафиксированы следующие процессы:

1) доминирование связей «слабейшего» типа. В развитие теории М. Грановеттера о сильных и слабых связях [1], под «слабейшими связями» подразумеваются связи, не только не предполагающие близких, эмоционально насыщенных, устойчивых отношений, каковыми являются «сильные связи», но также не предполагающих устойчивых социальных ожиданий, социальных обязательств и формальных социальных ролей, предполагаемых «слабыми связями». «Слабейшие связи» в чистом виде – обмен информацией, включая обмен реакциями на информацию, которые сами по себе также являются лишь информацией;

2) деперсонализация общения в онлайн-сообществах. Акторы – участники процессов взаимодействия в своем цифровом воплощении перестают быть конкретными личностями со своей историей, статусами, социальными ролями. В формате, продиктованном конкретной социальной сетью либо иным ресурсом, предполагающим социальное взаимодействие, актер предъявлен текстом-картинкой, символом, словами. Соответственно, многогранное и живое социальное целое, описываемое категорией «личность» (personality),

редуцируется до информационного события большего или меньшего объема. С учетом мозаичности и фрагментарности самих процессов коммуникации не только акторы, но и их взаимоотношения не имеют истории, а также иного контекста, кроме конкретного информационного сюжета (повода), мнения о котором предъявляются пользователями.

Более того, нормы «цифрового этикета» не приветствуют «переход на личности» в комментариях или обсуждениях того или иного вопроса. Под «переходом на личности» подразумевается использование в дискуссии информации, размещаемой на личной странице оппонента (возраст, профессия, увлечения и т. д.). Обращение участников группы к личным страницам допускается только в ситуации подозрения в «фейковости» говорящего. Во всех остальных случаях использование личной информации воспринимается как «дурной тон».

Процесс деперсонализации институционально подкрепляется принципом анонимности общения в социальных сетях. Хотя анонимность присутствия в социальных сетях в Интернете существует лишь в качестве теоретической возможности и большинство пользователей общаются под собственными именами, наличие такой возможности ослабляет и редуцирует интерес пользователей к личностям собеседников. Пользователи, изначально предполагающие право других собеседников принимать любое цифровое воплощение, одинаково спокойно обращаются как к собеседникам, имеющим фамилию, имя, профессию, так и к собеседникам под самыми неожиданными «никами».

Деперсонализация в цифровых коммуникациях в контексте функционирования онлайн-сообществ приводит к **дисперсии и релятивизации социального авторитета** и, соответственно, – к принципиально новым механизмам формирования и функционирования социального капитала, в том числе – персонального социального капитала. Для обеспечения лидерства в социальных сетях в Интернете необходимы иные, чем в офлайн-сообществах, ресурсы – время для присутствия в Сети, владение технологиями и т. д. Но эти ресурсы выступают лишь фоновыми факторами лидерства. Основной ресурс – способность быть интересным с информационной точки зрения, привлекать внимание аудитории. Захват внимания и ценностная близость оказываются гораздо более востребованными элементами социального капитала личности, чем реальный социальный статус, доверие, обладание политическими или экономическими ресурсами.

Эти особенности цифровых социальных взаимодействий, в свою очередь, позволяют описывать новый тип социальности, характерный для цифровых коммуникаций с помощью метафоры «об-

легченной социальности». Использование этой метафоры подкрепляется результатами анализа эмпирических данных в исследовании особенностей социальной интеграции в онлайн-сообществах.

В частности, «облегченность» социального проявляется в **смещении и редукции базовых социальных различий**. Социальные различия в групповых коммуникациях, социально-ролевая дифференциация обнаруживаются только в выбираемой тематике и используемой лексике и иных коммуникативных средств, т. е. – в особенностях дискурса как символическом выражении социального капитала. Онлайн-дискурс скрывает традиционные социальные различия, но вводит новое различие: между «посвященными» и «непосвященными». Важнейший социальный алгоритм распознавания «своих» и «чужих» сохраняется, но редуцируется до простейшего реагирования на визуальные или лексические сигналы.

«Облегченная» социальность, таким образом, проявляет себя в редукции социального капитала до символического, социальных связей – до «слабейших», персональных отношений – до ситуативно-реактивных, личностного присутствия – до информационного события.

Литература

1. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, № 4. – С. 31–50.
2. Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие. – М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
3. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаев. – М., 2003. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3528/3562>
4. Boellstorff T. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human. – Princeton University Press, 2008. – 344 p.
5. Kozinetz V. R. Netnography: Doing Ethnographic Research Online. – L. : Sage, 2010. – 211 p.
6. Miller D. Artefacts and the meaning of things // Companion encyclopedia of anthropology / ed. by T. Ingold. – London ; New York : Routledge, 1994. – P. 396–420.
7. Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research. Technics and Procedures for Developing Grounded Theory. – SAGE Publications, Inc, 1998. – 312 p.

С. Н. Оводова*

Новая искренность в современном публичном дискурсе: личное и публичное в репрезентации культурных травм¹

В статье описывается трансформация репрезентации культурных травм в публичном дискурсе с учетом идей метамодернизма и новой искренности. Анализируется акция «Бессмертный полк» как пример актуализации личного опыта и истории семьи в публичном дискурсе.

Ключевые слова: культура; культурная травма; метамодернизм; новая искренность.

Идея «новой искренности» получает наибольшую актуализацию в контексте метамодернизма. Метамодернизм одновременно является феноменом культуры и концепцией культуры. Будучи окончательно не сформированным («Заметки о метамодернизме» были опубликованы в 2010 г.) и постоянно находящимся в движении, феномен метамодерна нуждается как в описании явлений, которые могут мыслиться в данном феномене, так и в его теоретической фиксации. Предпосылками формирования метамодернизма являются геополитические события 2000-х гг., экологические угрозы, критика капитализма, повсеместная цифровизация, что, по мнению Р. ван дер Аккера и Т. Вермиюлена [4, с. 65–77], породило иной тип чувственности, отличный как от постмодернистской иронии, так и от модернистского энтузиазма.

Метамодернистскую чувственность отличает постоянное колебание между множеством ценностей и идей, что выражается в одновременном переживании искренности и отстраненности по отношению к каждому смыслу и постулируемой ценности.

* **Светлана Николаевна Оводова**, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры теологии и мировых культур, заведующий научно-исследовательской лабораторией социальных и институциональных исследований ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (г. Омск).

¹ Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-1512.2020.6 «Влияние эстетических и этических установок метамодернизма на современные философские концепции культуры».